

Геннадий СОКОЛОВ

ОКНО
ИСТОРИЮ

ШПИОН номер раз

ghy

Геннадий СОКОЛОВ

ШПИОН номер раз

Санкт-Петербург
«БХВ-Петербург»
2013

УДК 929
ББК 6.3.3
С59

Соколов Г. Е.

С59 Шпион номер раз. — СПб.: БХВ-Петербург, 2013. — 704 с. — (Окно в историю)
ISBN 978-5-9775-0890-2

Это рассказ об удивительной жизни одного из наиболее успешных советских разведчиков Евгения Иванова, работавшего в середине прошлого века при дворе королевы Великобритании Елизаветы II. Книга повествует о тайнах знаменитого «скандала века», о компромате на Дом Виндзоров, министров британского правительства, видных аристократов Старого Света и братьев Кеннеди. В основе повествования — личный архив разведчика, наследником которого стал его друг, автор этой книги, а также материалы, собранные в архивах разных стран, воспоминания очевидцев, интервью ветеранов спецслужб.

Для широкого круга читателей

УДК 929
ББК 6.3.3

Группа подготовки издания:

Главный редактор	<i>Екатерина Кондукова</i>
Зам. главного редактора	<i>Екатерина Трубей</i>
Зав. редакцией	<i>Екатерина Капалыгина</i>
Редактор	<i>Татьяна Шапошникова</i>
Компьютерная верстка	<i>Ольги Сергиенко</i>
Корректор	<i>Зинаида Дмитриева</i>
Дизайн серии	<i>Марины Акининой</i>
Оформление обложки	<i>Марины Дамбиевой</i>

Подписано в печать 30.11.12.

Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 44.

Тираж 2500 экз. Заказ №

"БХВ-Петербург", 191036, Санкт-Петербург, Гончарная ул., 20.

Первая Академическая типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

ISBN 978-5-9775-0890-2

© Соколов Г. Е., 2013

© Оформление, издательство "БХВ-Петербург", 2013

Оглавление

От автора	7
ЧАСТЬ I. ПУТЬ НАВЕРХ.....	11
Глава 1. Посол Брюс нервничает.....	13
Глава 2. Красный кадет.....	24
Глава 3. Шпионская академия.....	37
Глава 4. Уроки конунгов.....	51
Глава 5. «Фебы».....	63
Глава 6. «Большой охват».....	73
Глава 7. Убийственный тандем.....	83
Глава 8. Пикники в Осло-фиорде.....	90
ЧАСТЬ II. ИГРА НА ЧУЖОМ ПОЛЕ	105
Глава 9. Садово-дворцовая, 13.....	107
Глава 10. Сюрпризы сэра Колина.....	120
Глава 11. Шарады придворного остеопата.....	142
Глава 12. «Утка» Бернарда Хаттона.....	161
Глава 13. Перепады высот.....	180
Глава 14. Из «Гаррика» в «Карлтон».....	206
Глава 15. Портрет Екатерины Третьей.....	219
Глава 16. «Секрет, спрятанный в загадке».....	232
Глава 17. Визитеры.....	243
Глава 18. Кливденский пасьянс.....	266
Глава 19. Русский джокер.....	280
Глава 20. «Привидения» в Доме Виндзоров.....	297
Глава 21. Медовая ловушка.....	326
Глава 22. Жаркий июль.....	349
Глава 23. Кража в Фарнборо.....	371
Глава 24. Берлинские страсти.....	391
Глава 25. Пол Гетти — скряга.....	404
Глава 26. «Морская авиация» в деле.....	419
Глава 27. Под надзором вице-адмирала Деннинга.....	434
Глава 28. Компромат на JFK.....	448
Глава 29. Загадка «Человека в маске».....	462

Глава 30. Проигранное пари	474
Глава 31. Последнее Рождество	494
ЧАСТЬ III. СКАНДАЛ	509
Глава 32. Паника на Уайтхолл	511
Глава 33. Тайна герцогини Аргильской	535
Глава 34. Ложь во спасение	554
Глава 35. «Бабочка» из ФБР	566
Глава 36. Распад	579
Глава 37. Выход из тени	603
Глава 38. Нулевой вариант	630
Глава 39. Сухой остаток	638
ПРИЛОЖЕНИЯ	651
Приложение 1. Организационная структура и руководство Главного разведывательного управления Генштаба вооруженных сил СССР (1960—1963)	653
Приложение 2. Структура и руководство резидентуры ГРУ в Лондоне (1960)	655
Приложение 3. Организационная структура и руководство британской контрразведки «МИ-5» (1960—1963)	656
Приложение 4. Структура и руководство КГБ СССР (1954—1991) ..	658
Приложение 5. Структура британской разведки «МИ-6» (1960—1963)	661
Приложение 6. Структура и руководство ЦРУ США	663
Приложение 7. Руководство и структура ФБР США	665
Приложение 8. Выдержки из докладов в Центр военно-морского атташе Посольства СССР в Лондоне К. А. Сухоручкина (из архива ГРУ ГШ)	667
Приложение 9. Выдержки из объяснительной записки капитана 2-го ранга Е. М. Иванова руководству ГРУ от 25 июня 1963 года (из архива ГРУ ГШ)	670
Приложение 10. Отрывки из воспоминаний Е. М. Иванова, записанных Г. Е. Соколовым (текст с магнитофонной ленты).....	675
Приложение 11. Выдержки из интервью Председателя КГБ СССР В. Е. Семичастного Г. Е. Соколову 25 января 1994 года	686
Приложение 12. Открытое письмо Е. Иванова и Г. Соколова в редакцию газеты «Санди таймс» от 28 апреля 1992 года	690
Библиография	694

*50-летию гела Профьюмо
посвящается*

От автора

События, в эпицентр которых попал герой этой книги, и по сей день будоражат умы историков и заинтересованной публики. Причем этот человек оказался если не творцом, то соавтором судьбоносных, порой неожиданных поворотов в жизни многих знаменитых людей своей эпохи. И сколько бы ни существовало на сегодня версий событий тех лет, свидетели и специалисты сходятся в одном: на присутствии в них загадочного «русского следа». Много лет, стараясь докопаться до истины, дотошные аналитики пытаются его расшифровать.

В этой книге — рассказ о «русском следе» в «скандале века», деле британского военного министра Джона Профьюмо, и об инициаторе этого следа — разведчике, вписавшем свое имя в историю XX столетия.

Друзья по работе, кто в шутку, а кто всерьез, любили называть его «шпионом номер раз» или русским Джеймсом Бондом. Враги, поначалу недооценивавшие его, скорее в оправдание своих просчетов, чем из желания польстить противнику, считали его «суперагентом Кремля».

Он был вхож в королевские дома Норвегии и Великобритании, в замки европейских аристократов и особняки влиятельных министров.

Завербованные им агенты поставляли Центру ценную секретную информацию непосредственно из штаб-квартиры НАТО. В середине пятидесятых годов прошлого века он

фактически заставил штаб норвежских военно-морских сил работать на Москву.

Добытые разведчиком данные из американских источников о шумности отдельных узлов советских подводных ракетоносцев позволили специалистам усовершенствовать конструкцию отечественных подлодок и заметно обезопасить их дежурство в мировом океане.

Благодаря своему партнерству с известным английским художником-портретистом, любимцем светского общества и талантливым остеопатом доктором Стивеном Уардом он, а следовательно, и советская разведка в начале шестидесятых годов XX века стал единственным обладателем тайного досье аристократического «Четверг-клуба» и скандальной фотоколлекции Бэрона Нэйхума, личного фотографа британской королевской семьи.

Получаемые им сведения были настоящим кладом компромата на сильных мира сего. Использование этих данных советской разведкой сулило многообещающие перспективы.

Завсегдатай высшего общества, он сумел дискредитировать ряд высокопоставленных особ, в частности, такого влиятельного закулисного политика Великобритании, как лорд Астор. Собранный нашим героем компромат поставил под удар и Дом Виндзоров, в частности, супруга английской королевы — герцога Эдинбургского и сестру Елизаветы II — принцессу Маргариту. Под угрозой использования скандального компромата и последующей дискредитации желтой прессой оказался и тогдашний президент Соединенных Штатов Америки Джон Кеннеди.

В грозные дни Берлинского и Карибского кризисов «мистер Айвановф» благодаря своим контактам установил тайный канал связи между Лондоном и Кремлем, работая на предотвращение ядерной войны.

Заблаговременно направленная им в Центр и абсолютно точная информация о планируемой правительством Великобритании в 1961 году девальвации курса британского фунта стерлингов принесла государственной казне Советского Союза десятки миллионов долларов чистого дохода.

Своим романом с любовницей британского военного министра Кристиной Килер он разрушил карьеру мечтавшего о премьерстве военного министра Джона Профьюмо и «сверг» неудобное Москве консервативное правительство Гарольда Макмиллана, открыв путь к власти любимчику Кремля лидеру лейбористов Гарольду Вильсону.

Послужной список советского военного разведчика за рубежами Родины можно было бы и продолжить. Но все же будет лучше, если читатель узнает о них из последующих глав книги.

Кто же он такой? — наконец спросите вы. Это капитан 1-го ранга Евгений Михайлович Иванов, военный разведчик, три десятка лет верой и правдой прослуживший в Главном разведывательном управлении Генерального штаба Советской Армии.

Чиновники от разведки привыкли называть его неординарным, непредсказуемым разведчиком. Необычность Иванова как агента, впрочем, шла на пользу делу. Благодаря тому, что он нередко действовал не по уставу, он быстрее добивался нужного результата. Постоянно импровизировал, часто рисковал, доверялся интуиции, словом, действовал на свой страх и риск, не запрашивая на то разрешения начальства. Он слишком много брал на себя, считая, что без ответственной инициативы в разведке ничего путного никогда не добиться.

Некоторые известные политические деятели Запада, а также историки разведки еще полвека назад, когда о деятельности русского Джеймса Бонда было известно совсем немного, считали Иванова талантливым и эффективным агентом.

И вот что интересно. Нашего героя превозносили враги, но нередко не замечало собственное начальство. Репортеры желтой прессы изображали его беззастенчивым скандалистом и плейбоем. Действительные же результаты его работы оставались неизвестными для широкой аудитории. Сейчас список зарубежных «поклонников» профессиональных талантов Евгения Иванова стал намного шире, хотя на родине

разведчика, в России, по негласной команде сверху его считают «лишним героем».

Судьба Евгения Иванова чем-то напоминает историю одного столь же неординарного его соотечественника. Человека, знаменитого за рубежами Родины и незаслуженно забытого когда-то нашим военным начальством — командира советской подводной лодки «С-13» времен Великой Отечественной войны капитана 3-го ранга Александра Ивановича Маринеско, бывшего портового хулигана из Одессы. Это он 30 января 1945 года с расстояния четырех кабельтовых тремя торпедами атаковал и пустил на дно Данцигской бухты «Титаник Третьего Рейха» — плавучую гостиницу для сменных экипажей фашистских подводных лодок, знаменитый лайнер-двадцатипятидесятитысячник «Вильгельм Густлофф», названный так в 37-м в честь какого-то швейцарского нациста.

«Атакой века» назвали тот победный бой Александра Маринеско британские военные летописцы. Говорят, что Адольф Гитлер объявил его «врагом рейха». А родные советские флотоводцы осенью 45-го уволили героя-подводника с Балтфлота «за халатное отношение к службе и бытовую распущенность», понизив в должности и оставив без наград. Ведь Маринеско позволял себе «многочисленные выпивки» и «факты аморального поведения». Словом, легендарный подводник оказался неудобным для флотских бюрократов.

Его заслуги на Родине признали только много лет спустя. Когда из-под писательского пера Александра Крона вышла посвященная ему книга. Лишь через двадцать семь лет после смерти и через сорок пять после «атаки века» Александр Иванович Маринеско стал Героем Советского Союза и народной легендой.

Кто знает, может быть, Евгения Михайловича Иванова ждет нечто подобное.

Геннадий Евгеньевич Соколов,
Москва, 2012 год

ЧАСТЬ I

Путь наверх

Глава 1

Посол Брюс нервничает

Пасмурным вечером в четверг 13 июня 1963 года посол США в Лондоне сэр Дэвид Брюс, 65-летний ветеран американской дипломатии и разведки, друг и confident президента Джона Фитцджеральда Кеннеди, засиделся в своем просторном кабинете на Гроувенор-сквер, составляя очередную телеграмму для Белого дома.

Сэр Дэвид пребывал на посольском посту в Лондоне с марта 1961 года, согласившись, в конце концов, на настойчивые уговоры молодого Кеннеди, нового президента США, снова отправиться на Британские острова. После долгих лет послевоенной службы за океаном — в Бонне и Париже, чета Брюсов предпочла бы остаться на родине. Должность заместителя государственного секретаря была вакантна. И мистер Брюс имел достаточные основания на нее рассчитывать, но Джон Кеннеди мыслил иначе. Он хотел видеть именно Дэвида Брюса, опытного и успешного дипломата, «своим человеком» в Лондоне. Отказать президенту Дэвид Брюс не мог. Да и ностальгия давала о себе знать: с Лондоном его связывали годы напряженной работы, старые друзья, неизгладимые воспоминания.

Первый раз младший лейтенант Дэвид Брюс оказался на берегу туманного Альбиона вскоре после окончания Первой мировой войны. Демобилизовавшись, он решил попробовать себя на журналистском поприще. Вскоре дебютные

репортажи молодого журналиста из послевоенного Лондона появились на страницах газеты «Сан» в его родном Балтиморе. Но пробы пера продолжались недолго. Внука состоятельного землевладельца табачных плантаций Вирджинии Чарльза Брюса и сына видного сенатора от штата Мэриленд Уильяма Брюса ждала лучшая доля, нежели карьера репортера.

Годы спустя, закончив учебу и в первый раз женившись, Дэвид вернулся в Великобританию. Его зять Эндрю Меллон получил в 1932 году назначение послом в Лондон. Дэвид Брюс стал его помощником. Так началась его долгая дипломатическая карьера.

Следующий памятный визит на Британские острова состоялся летом 1940 года, накануне «Битвы за Англию», когда Великобритания в одиночку противостояла фашистской агрессии. Дэвид Брюс по заданию Вашингтона должен был определить потребности англичан в помощи и организовать ее. Проработав в Лондоне несколько месяцев, став свидетелем мужества и сопротивления англичан перед лицом разрушительных налетов германских люфтваффе, Брюс вернулся на родину с твердым намерением сделать все необходимое для помощи воюющей Великобритании.

В июне 42-го майор ВВС США Дэвид Брюс, и с недавнего времени поверенный в делах полковника Уильяма Донована, прибыл в Лондон в новом качестве. Новоиспеченному разведчику предстояла ответственная работа. За несколько дней до этого, 13 июня 1942 года, решением президента Франклина Делано Рузвельта была воссоздана американская разведывательная служба, получившая название Управление стратегических служб (УСС). Америка уже полгода была в состоянии войны после нападения японцев на Перл Харбор. Сотрудничество Вашингтона со своим главным союзником в этой войне — Великобританией — было для США важнейшей задачей. Дэвид Брюс должен был наладить его с Бродвеем и Бейкер-стрит — так на профессиональном жаргоне именовались «МИ-6», британская разведка, и «МИ-5», служба контрразведки, штаб-квартиры которых находились на этих лондонских улицах.

В первый же вечер в Лондоне майор Брюс встретился с бригадным генералом Стюартом Мензесом, возглавлявшим тогда британскую разведку, в его рабочем кабинете по адресу 24 Куин Энз Гейт. И только на следующий день нанес визит американскому послу в Лондоне Джону Вайноту и специальному посланнику президента США Авереллу Гарриману.

Именно эта легендарная тройца с благословения американского президента Франклина Рузвельта и британского премьер-министра Уинстона Черчилля заложила тогда, в начале 40-х, в Лондоне основы так называемых «особых отношений» Великобритании с Соединенными Штатами Америки. Само словосочетание «особые отношения» пустил в оборот в начале войны сэр Уинстон Черчилль. Тогда в обмен на долгосрочную аренду управляемых британских территорий, в частности Ньюфаундленда, Вашингтон передал Лондону пятьдесят эсминцев и предоставил ряд привилегий в закупке американского вооружения. Принятый американским конгрессом закон Макмагона позволял Соединенным Штатам делиться с Великобританией даже ядерными секретами. Собственно, Англия и стала мировой ядерной державой именно благодаря тесному сотрудничеству двух стран в рамках Манхэттенского проекта.

Эта «особость» двусторонних отношений, над фундаментом которых трудился резидент УСС в Лондоне майор Дэвид Брюс, и сыграла свою роль в разгроме фашистской Германии. Ну а после Второй мировой войны она была поставлена на службу войне холодной — с СССР и его союзниками по социалистическому лагерю и Варшавскому договору. Военно-технический альянс Лондона и Вашингтона остается краеугольным камнем двусторонних отношений и в XXI веке.

Резидентура УСС в Лондоне располагалась поначалу в пятиэтажном кирпичном здании на Гроувенор-сквер, 70. Но очень скоро ее офисы появились чуть ли не во всех зданиях по периметру площади, получившей в 1944 году прозвище «Эйзенхауэр плац», по имени главнокомандующего силами вторжения генерала Дуайта Эйзенхауэра.

Сам же Дэвид Брюс предпочитал небольшой рабочий кабинет на первом этаже элегантного викторианского особняка по другую сторону Гроувенор-сквер, на углу Брук- и Дьюк-стрит. В нем когда-то жил один из самых знаменитых американских дипломатов, автор небезызвестной «доктрины Монро», закрывшей для иноземных завоевателей пределы американского континента, Джон Куинси Адамс. В 1815 году он был послом США в Англии, а десятилетие спустя стал шестым президентом Соединенных Штатов Америки.

Площадь Гроувенор всегда ассоциировалась у сэра Дэвида с его родиной. Ее создал в центре своего родового поместья граф Ричард Гроувенор еще в 1731 году. Столетие спустя здесь стали покупать дома многие видные политики Старого и Нового Света. Площадь стала главной в лондонском Вест-Энде.

Незадолго до последнего приезда Дэвида Брюса в Лондон в качестве главы дипломатической миссии США здесь было завершено строительство нового просторного здания посольства. На обновленной площади расположились практически все важнейшие американские службы в Лондоне — от консульской до разведывательной.

Посол Брюс предпочитал работать в своем кабинете вечерами, в дневное время текущими делами посольства занимался его ди-си-эм (Deputy Chief of Mission — заместитель руководителя миссии) Филипп Кайзер, которого сэр Дэвид знал еще с военных лет. В ту пору он работал помощником у Аверелла Гарримана. Филипп всегда прекрасно справлялся с «текучкой», оставляя послу достаточно времени для более важных дел. Этих дел в июне 63-го оказалось в посольстве США в Лондоне более чем достаточно.

Еще с зимы 1963 года в Англии бушевал правительственный кризис, связанный с делом военного министра Профьюмо. В январе еженедельник «Санди пикториал» опубликовал сенсационные откровения танцовщицы кабаре Кристины Килер, в одночасье ставшей знаменитостью. Це-

лых полгода сэр Дэвид с удивлением наблюдал, как извечно респектабельная и уверенная в себе страна оказалась вдруг в абсолютном всепроникающем шоке.

По поводу тех событий известный британский поэт Филипп Ларкин написал однажды, что «половой акт появился на свет в 1963 году, где-то между запретом на книгу о любовнике леди Четтерлей и взлетом популярности "Битлз"».

Скандал с делом Профьюмо стремительно набирал обороты, и трудно было понять, что могло бы его остановить.

В своей очередной шифротелеграмме в Вашингтон послу Брюсу надлежало дать руководству госдепа ответ на, казалось бы, простой конкретный вопрос: что же, черт возьми, происходит в старой доброй Англии?

Приближалась дата начала процесса над виновником всех бед доктором Уардом в лондонском криминальном суде Оудд Бейли. И Вашингтон был всерьез озабочен не только глубиной разразившегося скандала, но и возможным ущербом национальной безопасности, нанесенным из-за него не только Великобритании, но и Соединенным Штатам Америки.

Накануне посол приватно встречался с канцлером британского казначейства Робертом Алланом. Тот доверительно поведал сэру Дэвиду о том, что еще как минимум шесть министров правительства Гарольда Макмиллана в ближайшие дни подадут в отставку. Все они, как утверждал мистер Аллан, оказались вовлеченными в скандал. Более того, каждый из них мог стать потенциальной жертвой компромата со стороны русских. Этого, естественно, нельзя было допускать.

Кратко изложив в телеграмме содержание состоявшейся беседы, посол Брюс перечислил в ней имена членов кабинета, обреченных на отставку. Среди них были министр финансов Селвин Ллойд, министр транспорта Эрнст Марплз, министр труда Джон Хеар, министр по делам колоний Дункан Сандс...

Посол, не закончив депешу, вызвал к себе атташе посольства по юридическим вопросам Чарльза Бейтса. На

этой должности, используя ее как прикрытие, работал резидент Федерального бюро расследований США в Лондоне, человек в своих кругах заносчивый и не очень популярный. Презренный «сыскарь» не нравился не только сэру Дэвиду, но и шефу ФБР Эдгару Гуверу. Бейтса должны были отозвать в Вашингтон еще в начале года, ведь он проработал в Лондоне уже более пяти лет. Но ввиду неожиданно разразившегося скандала с Профьюмо менять представителя федеральной службы контрразведки в посольстве в такой момент было не с руки. И старик Гувер сменил гнев на милость: оставил Бейтса в Лондоне, но все эти месяцы не давал ему покоя запросами о ходе расследования злополучного скандала. Лондонский резидент ФБР вдруг оказался очень нужен и своим коллегам в Вашингтоне, и на Британских островах.

Сэр Дэвид не хуже шефа ФБР знал, что Бейтс хорошо осведомлен о скандале и располагает неплохой агентурной сетью в стране. Одним из его надежных и важных источников в Лондоне, в частности, был заместитель начальника Скотленд-Ярда Джо Джексон.

Посла США, разумеется, интересовала самая свежая информация. Днем раньше он встречался за ужином с Арчибалдом Рузвельтом, резидентом ЦРУ в Лондоне, человеком весьма информированным и с обширными связями. Тот намекнул ему о том, что в числе скомпрометированных скандалом высокопоставленных лиц оказались также некоторые члены королевской семьи. Источники резидента ЦРУ утверждали, что полиция и британская контрразведка повсюду ищут какие-то скандальные порноснимки, на которых якобы фигурируют особы королевской крови.

Рузвельт на той встрече был предельно откровенен с Брюсом. Он знал, что сэр Дэвид долгие годы сам работал на разведку, поэтому не считал нужным скрывать от посла конфиденциальную информацию, полученную им по делу Профьюмо. Кроме того, Арчибалд Рузвельт был в курсе секретного распоряжения бывшего президента США Дуайта Эйзенхауэра, выпущенного в ноябре 1960 года: оно по-

ложило конец прежним распрям между ЦРУ и государственным департаментом, наделяя послов США правом быть в курсе любых тайных операций, осуществляемых в стране их пребывания.

Войдя в кабинет посла, Чарльз Бейтс без особых предисловий доложил сэру Дэвиду последние из полученных им сведений.

— Скотленд-Ярд проводит обыски у ближайших друзей Уарда, — сказал он. — Ищут порноколлекцию фотографий Бэрона Нэйхума, королевского фотографа, друга Стивена Уарда. На снимках, как утверждают, могут быть члены королевской семьи.

Посол отвел глаза от смотревшего на него в упор резидента ФБР и тихо выругался. Информация Бейтса подтверждала сведения, полученные днем ранее Арчибальдом Рузвельтом. От обоих резидентов к послу шли одни и те же данные, и они совсем не нравились сэру Дэвиду.

Посол знал о коллекции Бэрона и дневнике «Четвергклуба». Ему было известно, что они принадлежали доктору Уарду.

«Уард арестован, а коллекции не нашли, — рассуждал про себя сэр Дэвид. — Значит, эти документы перекочевали к новому хозяину. Его во что бы то ни стало необходимо найти. Иначе...»

О последствиях Дэвид Брюс не хотел даже думать.

Он вернулся к бумагам. Накануне в среду, 12 июня, в его адрес пришел запрос. Несмотря на исходные реквизиты государственного департамента США в полученной депеше, сэру Дэвиду сразу стало ясно, что ее направило не руководство госдепа. Запрос, судя по всему, составляли в Лэнгли, штаб-квартире ЦРУ. Посла спрашивали, знаком ли он с доктором Уардом.

Этот вопрос не на шутку обеспокоил американского посла. Ему не трудно было предположить, что парни из Лэнгли или из ведомства Гувера вполне могли начать свое расследование дела Профьюмо. Под каток скандальных обвинений в Англии уже попали многие видные британские

политики и аристократы. Связь с доктором Уардом стала смертным приговором для их служебной карьеры. Теперь на очереди могли оказаться и американцы, поддерживавшие отношения с Уардом или девицами из его команды. Как быть? Что ответить Вашингтону? Эти вопросы не давали покоя сэру Дэвиду. Сказать правду — попадешь под подозрение. И кто знает, как затем пойдет расследование. Солжешь — и гроза, возможно, пройдет стороной. Конечно, если правда вдруг не всплывет откуда-нибудь...

Дэвид Брюс понимал, что он был не просто знаком с доктором Уардом. Тот не только рисовал его портрет и лечил его спину. Он был источником интересной информации. Стивен имел друзей и знакомых в высшем свете. Он много знал, много слышал. Для посла было полезно время от времени встречаться с ним и выслушивать его поток сознания. Словоохотливый англичанин болтал и о похождениях герцогини Аргильской, и о сексуальных эскападах лорда Астора, и о внебрачном романе военного министра Профьюмо...

«Gossip» — то есть великосветские сплетни — были коньком доктора Уарда. Посол Брюс тоже вращался в лондонском высшем свете, поэтому скандальные тайны были ему совсем не безразличны. Многие действующие лица сплетен, поведенных послу США Стивеном Уардом, были реальными и влиятельными фигурами различных властных структур Великобритании. С ними он вел переговоры по многим вопросам двусторонних и международных отношений. С их мнением ему, послу Соединенных Штатов в Лондоне, а также государственному департаменту и администрации президента США, неизбежно приходилось считаться при принятии важнейших государственных решений. Информация от Уарда была необходимым дополнением к портрету британского истеблишмента, доскональное знание которого являлось одним из важнейших приоритетов в работе американского посла в Лондоне.

Сэр Дэвид Брюс не любил Уарда. Ему не нравились его фривольные манеры и циничность, вызывающая некое

брезгливое чувство. Для дипломата и разведчика это был своего рода антипод. Сам посол никогда не мог себе даже в мыслях позволить вести себя в обществе так, как позволял себе доктор Уард. Лейтмотивом поведения посла всегда была абсолютная сдержанность и осторожность, природное умение не столько говорить, сколько внимательно слушать.

И все же в ходе бесед с Уардом — и этот факт более всего беспокоил сэра Дэвида — ему не раз приходилось изменять своему основополагающему принципу. Чтобы поддержать интересный для себя разговор с информированным собеседником, послу приходилось порой поощрять чужую откровенность. Без такого ответного хода, полагал Брюс, доктор Уард может быстро охладеть к общению с ним. А послу этого не хотелось. Любой заинтересованный разговор, как известно, — это улица с двусторонним движением. Необходимо не только слушать, но и отвечать. И сэр Дэвид делился с англичанином новостями из своей жизни и работы. Он успокаивал Уарда по поводу тех или иных его вполне обоснованных волнений, которые были связаны то с взрывоопасным Берлинским кризисом, то с грозившей началом третьей мировой войны ситуацией вокруг Кубы или непрекращающейся гонкой ядерных вооружений.

Свидетелей у них не было. Они всегда встречались тет-а-тет. Сам Дэвид Брюс никогда не афишировал своих контактов с Уардом. Но в Лондоне за послом наблюдало столько глаз, что их конфиденциальные встречи и беседы вполне могли стать известны другим. Кроме того, Уард, как тогда уже было известно всем, дружил с советским военным дипломатом, неким мистером Айвановф. И вполне мог проболтаться русскому о своих встречах и беседах с послом США. Даже гипотетическая возможность таких откровений не сулила Дэвиду Брюсу спокойного будущего.

Выбор был непростым. Служебный запрос из Вашингтона нельзя было оставлять без ответа. Пришлось выбирать из двух зол наименьшее. На взгляд сэра Дэвида, таким малым злом была ложь.

Позднее посол официально признается, что солгал. Заявит, что его знакомство с Уардом было эпизодическим, связанным с работой над его портретом, который был заказан Уарду редактором газеты «Лондон Иллюстрейтед Ньюс» сэром Брюсом Ингрэмом.

В графстве Шарлотт, штат Виржиния, на родине сэра Дэвида Брюса, в богатой редкими изданиями и старыми фолиантами библиотеке его родового имения, расположенного неподалеку от плантации Статтон Хилл, хранятся многочисленные дневники бывшего посла США в Великобритании, Германии, Франции, Китае, а также по совместительству агента американской разведки.

Сэр Дэвид, без сомнения, был великий человек и выдающийся государственный деятель. С этим не поспоришь. Но был он также и порядочный графоман. Писал в своих личных дневниках обо всем понемногу, но каждый день и без перерыва, практически всю жизнь. В тетрадах американского дипломата и разведчика можно без особого труда найти запись от 14 июня 1963 года. Речь в ней идет об ответе на телеграмму из ЦРУ, в которой Брюсу предлагалось прокомментировать обвинения в его адрес по поводу отношений с доктором Уардом.

В дневнике посол записал, что в своем ответе в Вашингтон он отрицал даже сам факт знакомства с англичанином. В своей ответной телеграмме он называл его «сутенером», человеком без каких-либо моральных принципов, а следовательно, личностью, не достойной внимания посла Соединенных Штатов.

Но все это будет потом, а тем памятным поздним вечером 13 июня 1963 года посол сообщит в Вашингтон, что не знаком с доктором Уардом.

Для ФБР эта ложь была очевидной. Шеф федеральной службы контрразведки, «старый лис» Джон Эдгар Гувер из донесений своих агентов прекрасно знал о дружбе Дэвида Брюса со Стивеном Уардом и дал указание начать расследование о причастности посла к делу Профьюмо.

Над ветераном американской дипломатии стали сгущаться тучи...

Отправив депешу в Вашингтон, сэр Дэвид снял трубку телефона и вызвал к себе Арчибальда Рузвельта.

— Арчи, — сказал он, обращаясь к резиденту ЦРУ в Лондоне, — скажите, есть ли у вас что-нибудь на этого мистера Айвановффа, приятеля доктора Уарда. Я имею в виду что-то такое, чего я еще не знаю, но должен бы знать? Вы меня понимаете? На днях к нам прилетает президент. Мне хотелось бы быть готовым к любым вопросам...

Глава 2

Красный кадет

«Мистер Айвановф» родился 11 января 1926 года в древнерусском городе Пскове. Его мать — Мария Леонидовна Каурова — была дворянкой из древней графской фамилии Голенищевых-Кутузовых. Той самой, к которой принадлежал ее знаменитый родственник фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов, волею императора Александра I возглавивший русскую армию в войне 1812 года с французами и разгромивший напавшие на Россию войска Наполеона Бонапарта.

Мария Леонидовна была ровесницей грозового XX века, так что ей недолго пришлось пожить во дворянстве. Большевистский октябрьский переворот 1917 года лишил ее не только дворянских привилегий и средств к существованию, но и родителей. Так что Марии Леонидовне Кауровой с молодых лет пришлось на себе испытать, что такое и холод и голод.

Если бы она не отважилась тогда изменить во всех документах свою родословную, вряд ли бы состоялся ее брак с Михаилом Ивановым, а значит, и не появился бы на свет их сын Женя.

Отец Евгения Михайловича, в отличие от матери, был простым крестьянином из Мытищ — небольшой тогда подмосковной деревеньки. Звали его Михаил Парменович Иванов. В Первую мировую войну он служил в царской

армии рядовым, а после революции 17-го года поступил на службу в Красную Армию и вскоре стал командиром.

Его воинская часть квартировала одно время в Пскове. Там они и познакомились с Марией Леонидовной. Лишившись родителей, она вынуждена была, чтобы содержать себя и малолетнюю сестру Анну, пойти работать на местную табачную фабрику, где на всю жизнь научилась безудержно курить. Ну а Михаил Иванов, как ни странно, не только не курил, но и не пил спиртного до конца своих дней. Хотя отец и мать Иванова были людьми разного происхождения, жили они, что называется, душа в душу.

Женькино детство прошло в бесконечных переездах на новые места службы отца: Псков и Витебск, Белый и Гродно, Каунас и Рига. Менялись города и казенные квартиры, школы и дворы. Переезды в разные республики Союза заставили его с детства учиться говорить на разных языках. Живя в Витебске и Гродно, например, он выучился говорить по-белорусски. В Каунасе и Риге — по-литовски и по-латышски. Кроме того, в средней школе Женя Иванов неплохо выучил и немецкий.

Потом эта привычка быстро схватывать разговорную речь основательно пригодилась ему в работе. Жизнь в военных городках приучила юного Женьку к обращению с техникой. С ней он всегда был на «ты». Еще мальчишкой Иванов-младший научился водить отцовскую «Эмку» и приписанный к гарнизонной кухне грузовик «ЗиС-5». Успешно овладел обращением с рацией. Ну а стрелять из офицерского пистолета или солдатского карабина, бросать противотанковую гранату и пользоваться противоголозом он умел не хуже любого солдата.

В тридцатые годы по радио то и дело передавали репортажи из зала Верховного суда в Москве, где бесконечной чередой шли политические процессы. Женя слушал гневные речи генерального прокурора Вышинского и сам был готов идти на борьбу с врагами народа. Считал, что в стране орудуют банды убийц и шпионов и нужно вести с ними решительную борьбу. Об этом говорили на митингах и собраниях, в школе и дома.

Не удивительно, что настроение родителей юного Женьки в ту пору было совсем не таким радужным и боевым, как у сына. А когда в 37-м, не дожидаясь неизбежного ареста, застрелился старый друг Михаила Парменовича главным Белорусского военного округа командарм Уборевич, в доме Ивановых воцарилось напряженное ожидание чего-то страшного и неотвратимого.

Всегда жизнелюбивый и общительный отец вдруг стал неразговорчив и угрюм. Мать, женщина решительная и не робкого десятка, без конца курила и нервно замирала каждый раз, когда вечером мимо их дома проезжала машина.

От надвигавшегося ареста отца спас перевод в другую воинскую часть — в Прибалтику. Мария Леонидовна немного успокоилась после того, как уже в Риге мужу присвоили звание майора.

— Раз повысили по службе, — наивно рассуждала она, — значит, арестовывать не будут.

Но аресты продолжились и в Прибалтике.

— Что делается, что творится?! — слышал Женья негодующие восклицания отца в разговоре с мамой. — Представляешь, Блюхера арестовали! Говорят, что он — немецкий шпион!.. Маша, я тебя очень прошу, — продолжал отец, — будь осторожной. И не ходи ты к этой Разумовской, пожалуйста. Ведь у нее муж работает в НКВД. Наговорят на нас такого, что ввек не отмоемся. — Но эта гроза семью Ивановых каким-то чудом миновала. Хотя дворянское прошлое жены, стань оно достоянием гласности, могло бы дорого обойтись в те годы майору Иванову. Одного лишь факта происхождения супруги из класса эксплуататоров было вполне достаточно для обвинения семьи Ивановых и в связи с контрреволюционным подпольем, и в сотрудничестве с белогвардейской эмиграцией.

Позднее, уже много позднее советские историки подсчитают, что в 1937—1938 годах сталинским режимом было репрессировано до сорока пяти процентов командного и политического состава Красной Армии от командира бригады и выше. Удар по вооруженным силам страны был нанесен ужасающий. При таких потерях любая армия резко теряет

свою боеспособность. В преддверии тяжелейших сражений с гитлеровской Германией Сталин и его окружение массовыми репрессиями в армии создали вполне объективные предпосылки для крайне неудачного начала Отечественной войны.

В 1938 году в семье Ивановых произошло пополнение. Родился брат Жени — Витюшка. Мария Леонидовна не хотела рожать второго ребенка: время было уж очень неспокойное. Но в те годы действовал сталинский декрет о запрете на аборт. Аборты в СССР были запрещены в 1936 году почти одновременно с принятием советской конституции. Мать кляла этот запрет на чем свет стоит.

— Плевала я на этот сталинский декрет! — возражала она мужу. — Не буду рожать, и все!

— Маша, умоляю тебя, — безуспешно пытался урезонить ее Михаил Парменович, — всюду же уши! Зачем кричать на весь городок?! Ты же меня не только службы, ты меня головы лишишь!

Пришлось рожать.

Когда брат немного подрос и начал ходить, Женя стал для него и доброй нянькой, и усердным воспитателем. Ему нравилось помогать матери ухаживать за маленьким. Брат оказался ужасно смышленным и симпатичным малышом. Увы, война и эвакуация оборвали его жизнь. В трудном 1942-м в Свердловске Витюшка заболел скарлатиной. Врачи не смогли его спасти. В то время отец находился в госпитале после тяжелого ранения, полученного в сражении под Москвой, и ничем не мог помочь своей семье. Война уже в первые дни начала предъявлять свой страшный счет каждой русской семье. Жизнь семьи Ивановых изменилась так же круто.

22 июня 1941 года застало их под Ригой. Отец служил в штабе Прибалтийского военного округа, а Женя с мамой и братом жили на загородной даче неподалеку от местечка Буддари, что на балтийском взморье.

Тот страшный, памятный на всю жизнь день выдался очень жарким. Женя и Витя с утра отправились купаться в

море. Возвращались домой по дороге мимо дач, а из репродукторов уже звучал голос Молотова. Гитлер вероломно напал на Советский Союз! От слова «война» у Женьки даже дух перехватило.

— Наконец-то! Ну, теперь мы покажем этим фашистам! — хорохорился он перед младшим братом.

Мальчишки весело шли по улице, останавливаясь то у одной, то у другой калитки, и возбужденно кричали, как ненормальные, всем, кто попадался на пути:

— Война! Вы слышали? Война!

Вскоре из города приехал отец.

— Собирайтесь, — скомандовал он. — Едем в Ригу.

Уже сидя в машине, он как-то слишком уж уверенно и неожиданно серьезно сказал сыновьям:

— Гитлер нагулялся по Европе. Теперь решил к нам пожаловать. Но мы ему ноги быстро укоротим.

Отец, как, впрочем, и многие тогда, был уверен, что война не затянется надолго, что Красная Армия разобьет врага максимум через два-три месяца. Пока же он велел семье ехать к тете Ане, маминой сестре, в Свердловск. И 23 июня с последним эшелонem эвакуируемых Ивановы в переполненных людьми товарных вагонах уехали из Риги.

Перед самым отъездом случилась отчаянная перестрелка у моста через Даугаву. Тогда в Риге подняли мятеж айсерги — члены латвийской фашистской организации. Услышав на улице стрельбу, Женька схватил отцовский пистолет и патроны к нему — у отца всегда дома было оружие — и побежал к мосту. Вдруг его кто-то схватил за шиворот и затащил в подворотню.

— Ты что, Женька, с ума сошел?!

Это был отец. Он заехал на квартиру, чтобы отвезти семью на вокзал. Немцы уже бомбили порт. Город был в огне. Были сирены воздушной тревоги.

— Немедленно все спускайтесь в бомбоубежище, в подвал, — потребовала мать.

— Что?! — воспротивился отец. — Всем оставаться здесь. Если бомба соседнюю комнату прошьет, то нас всех

в подвале завалит. Чтобы нас убить, им нужно точно попасть в эту комнату. Так что шансов на выживание здесь больше.

Отец оказался прав. Бомбоубежище было завалено, многие погибли, а Ивановы остались невредимы.

На вокзале Михаил Парменович крепко обнял старшего сына на прощанье и сказал:

— Береги маму и брата, Женька. Ты теперь в семье за главного. Вернись, с тебя спрошу.

Вернулся он полгода спустя. С двумя самыми почетными в стране боевыми наградами — орденом Ленина и орденом Боевого Красного Знамени. А еще — с тяжелейшей контузией, после которой он прожил не слишком долго — восемь лет.

Началась многотрудная полуголодная-полухолодная жизнь на Урале в эвакуации. Мать с сестрой работали на заводе. Отец после госпиталя был комиссован и получил работу в Свердловском городском военкомате. Женька учился в средней школе. И, как мог, пытался осмыслить происходящее.

Оказалось, что война реальная — это совсем не такая забавная и быстротечная штука, как он ее себе представлял. Боль и горе военного времени он видел пока лишь только в тылу, а не на переднем крае, но и этого хватало сполна. Женька стучался в двери разных военкоматов, просился на фронт воевать, но его никуда не брали. Говорили, что слишком мал.

Еще до войны в Витебске отец, чтобы старший сын не болтался без толку на улице, отправил его учиться в школу не с восьми, а с семи лет. Эта разница в один год вышла потом Женьке боком. Когда в Свердловске он учился в десятом классе, все мальчишки уже были призваны на военную службу. Вот он и сидел в классе, состоявшем только из девчонок. В одну из них, Гальку Жигареву, он был в ту пору отчаянно влюблен.

Тогда он еще не знал, что встретится с ней двадцать лет спустя, в Лондоне, куда она приедет женой его приятеля